

Ян Чжэнвэй, увидев его слабый вид, действительно подумал, что он подвернул ногу.

Поэтому он сказал:

— Тогда хорошо лечись, а как поправишься, приходи на стадион.

Хань Сюнь внутренне застонал, очень хотелось поскорее закончить сценарий и сбежать.

Для домоседа встать в шесть утра — не самое страшное. Страшно стоять по стойке смирно, маршировать и бегать три километра, да ещё и под присмотром.

Душа маленького сценариста ощутила тёплое дыхание военных. Он вернулся сюда, чтобы не быть дезертиром, но теперь очень хотел стать дезертиром ради сохранения своей мечты о слабой и замкнутой жизни.

Однако Хань Сюнь, проявив железную волю, с чашкой горячего чая, который лично налил Ян Чжэнвэй, сидел в офисе и обсуждал документальные фильмы.

Ян Чжэнвэй рассказал Хань Сюню, что эти фильмы используются для обучения в различных сухопутных академиях. Большинство солдат в казармах и военных училищах видят только яркие стороны армии, и только в академиях начинают говорить о неудачах.

Хань Сюнь спокойно слушал, как он объяснял значение каждого документального фильма. За каждым провалом стоял кровавый урок, но за многими из них не было даже урока — люди просто погибали, или целые отряды исчезали.

— События, которые разрешено снимать Центру кино и телевидения «Чанкун», тщательно отобраны и представляют собой успешные случаи. В отличие от моих романов, всё творчество «Чанкун» должно основываться на реальности. Я даю тебе этот список, чтобы ты понимал: мы не отвергаем неудачи и провалы, но хотим, чтобы на экране военные всегда выглядели смелыми и победоносными, чтобы оправдать реальные жертвы и доверие народа.

Ян Чжэнвэй никогда не изменит своей привычке читать нотации Хань Сюню.

Такой популярный у широкой публики сценарист, как Хань Сюнь, конечно, был бы желанным автором для военных фильмов, но он должен был честно объяснить, почему Хань Сюнь не сможет их писать.

Он сказал:

— Ты не понимаешь военных, потому что не можешь брать материал из наших неудач и успехов. Я пишу в армии двадцать лет, и слишком много черновиков были отклонены из-за секретности. Но я накопил огромный опыт и знаю, что можно писать, а что нет. Самое большое «нельзя» — это то, что зрители хотят интриг и неожиданностей, а наши задачи должны быть «успешно выполнены». Неожиданностей быть не может.

Хань Сюнь понимал это требование. В таких рамках Центр кино и телевидения «Чанкун» уже делает невероятное.

Десятилетиями они поддерживают высокий уровень производства фильмов и документалок, но неизбежно возникает однообразие.

Зрители, избалованные международными блокбастерами, вряд ли будут искренне радоваться

очередной победе нашей армии. Большинство, скорее всего, скривится, говоря, что это всё тот же старый шаблон, где конец ясен с самого начала.

Хань Сюнь снова скорбел о кассовых сборах. Тронуть привередливых зрителей старыми шаблонами — задача не из лёгких.

Он сказал:

— Похоже, я не переоценил себя. В этом сценарии я действительно могу только давать советы и рассказывать о маленьких трюках, которые нравятся зрителям.

Ян Чжэнвэй слегка улыбнулся и спросил:

— Например, божественная сила спички?

Хань Сюнь:

...

Видимо, эту историю уже не пережить. Хань Сюнь очень сожалел, что эти люди так злопамятны. Ему следовало оставаться тихим красавцем, а не защищать глупые шутки, которые нравятся народу.

Ян Чжэнвэй, увидев его смущение, доброжелательно сказал:

— На самом деле, если отбросить военные ограничения и рамки «Чанкун», твоя божественная сила спички довольно интересна. Сгорать, чтобы осветить путь другим, — это очень в духе традиционных китайских добродетелей. Зрители, скорее всего, примут это, особенно с учётом суперспособности использовать оружие. Возможно, каждый захочет обладать такой силой, так что пиши хорошо, снимай хорошо, и, возможно, кассовые сборы будут неплохими.

Хань Сюнь с каменным лицом слушал его похвалы, но даже если бы он расцвёл, он бы всё равно не стал писать!

Шутки — это одно, но вытаскивать их снова и снова — это уже слишком. Неужели вам так нравятся спички?

Возможно, тронутый усердием Хань Сюня, Ян Чжэнвэй с удовольствием прокомментировал фильмы о супергероях в Китае и за рубежом, отметив, что рост индивидуализма может быть сигналом о насаждении капиталистических ценностей. В идеологической борьбе киноиндустрия Китая уже отстала на шаг, и он надеется, что Хань Сюнь поднимет знамя социализма, передавая зрителям чувство коллективной гордости, соответствующее нашим китайским ценностям.

Хань Сюнь, проходящий перевоспитание, действительно не любил беседы с военными!

Внезапно всё превратилось в урок политинформации. Неужели нельзя просто поговорить о том, почему Человек-паук беден, а Железный человек богат, или почему Супермен носит трусы поверх штанов?

Хань Сюнь, внутренне крича, решил прекратить получать образование. Он поднял руку, прерывая критику супергероев Ян Чжэнвэем, и спросил:

— Учитель Ян, вы смотрели «Тридцать шестой флаг»?

— Что за фильм? — слегка нахмурился Ян Чжэнвэй. — Не помню. Расскажи подробнее.

Хань Сюнь моргнул, удивлённый. Оказывается, директор Цю действительно втиснул свой короткометражный фильм в список.

— Когда вы дали мне список рекомендаций для подписи директора Цю, он добавил этот короткометражный фильм. В нём записаны тридцать шесть проваленных миссий, без конкретных событий, многое осталось неясным. Хотя он называется «Тридцать шестой флаг», последняя запись — это всего лишь короткий разговор.

— Разговор? — Ян Чжэнвэй выглядел озадаченным. — Это не «Один-шесть-один-шесть...»?

— Да, — кивнул Хань Сюнь.

Оказывается, «Тридцать шестой флаг» уже настолько известен, что упоминание разговора сразу же вызывает ассоциации.

Он ждал, что Ян Чжэнвэй расскажет какую-то грандиозную историю или продолжит его идеологическое воспитание, но вместо этого тот замолчал.

В комнате стало тихо, только пар от чая в руках Хань Сюня поднимался вверх, вызывая у него любопытство. Что же такое «Один-шесть-один-шесть»?

Судя по его поверхностным знаниям о связи, это, вероятно, просто кто-то связался с 16-м аппаратом.

Но если это попало в короткометражный фильм директора Цю, и Ян Чжэнвэй, не видевший фильма, сразу узнал позыной, эта история явно не ограничивается простым звонком.

В голове Хань Сюня уже начал складываться сценарий городской легенды. Этот разговор напоминал автобус номер 16, появляющийся только ночью, который останавливается на известной остановке с привидениями, открывает двери и ждёт ничего не подозревающих пассажиров, чтобы увезти их в опасный мир без конца.

Его фантазии уже начали разворачиваться, а Ян Чжэнвэй всё ещё не рассказывал историю «Один-шесть-один-шесть».

— Эх... — наконец вздохнул Ян Чжэнвэй и покачал головой. — Я понял, что такое «Тридцать шесть флагов», но этот короткометражный фильм неинтересен. По нему нельзя писать сценарий.

— Почему? — Хань Сюнь стал ещё более любопытным.

Ян Чжэнвэй сделал глоток чая и сказал:

— Директор Цю давно говорил мне, чтобы я использовал неудачные случаи для создания сценария о провалах. Но что писать о провалах? Руководство точно не одобрит. Видимо, он сам сделал короткометражку, и ты, вероятно, один из немногих, кто её видел. «Тридцать шесть флагов» — хорошее название.

Он одобрил короткометражный фильм директора Цю и продолжил:

— Эти тридцать шесть флагов — это тридцать шесть погибших товарищей из проваленных миссий сухопутных войск. Некоторые были из одного отряда, другие — временно

переведённые. В общем... все погибли, а содержание миссий стало секретным, и их нельзя обсуждать, писать или создавать на их основе произведения. А «Один-шесть» — это отряд из восьми человек с засекреченным позывным, который погиб во время выполнения задания. Последняя запись разговора — «Один-шесть-один-шесть, я —...» Он даже не успел сказать, кто он.

Ян Чжэнвэй сказал:

— Возможно, это последние слова, которые мы от него услышали. Хотя они были переданы, сама миссия засекречена, потери были огромны, и вышестоящие не разрешили нам создавать какие-либо материалы об этом событии. Но... сам факт провала миссии не является секретом. Все, кто знает позывной «Один-шесть», слышали об этом.

Хань Сюнь был озадачен:

— Если нет открытых материалов, как директор Цю получил аудио?

— Это было для семьи, — сказал Ян Чжэнвэй. — Тот, кто произнёс эти слова, был сыном директора Цю, Цю Цзинем. Конечно, до смерти он всегда думал, что его сын охраняет границу.

<http://bllate.org/book/16443/1491434>